

Научная статья

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-8-35>

<https://elibrary.ru/BNJBYYF>

УДК 821.111(73).0+821.161.1.0

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Дмитрий НИКОЛАЕВ

«РОССИИ ПОСЧАСТИЛИЛОСЬ НА МАРКА ТВЕНА»

Аннотация: В статье анализируются публикации в русской периодической печати 1910 г., появившиеся в связи со смертью Марка Твена. Среди них есть как анонимные или подписанные нераскрытыми псевдонимами, так и написанные известными литераторами (А.Т. Аверченко, Н.Э. Гейнце, П.Т. Герцо-Виноградским, В.М. Дорошевичем, А.А. Измайловым, А.И. Куприным, П.А. Тверским, К.И. Чуковским). Реакция на смерть Твена показала, что он был наиболее известным в России американским писателем, и подчеркнула его значимость для русской аудитории. Многие авторы некрологов восприняли его кончину как переживаемую лично утрату. Ряд, в который ставится Твен (Свифт, Диккенс, Гоголь, Салтыков-Щедрин, Чехов), отражает масштаб его гения, а также сам факт признания того, что юморист может быть великим писателем. Анализ периодических изданий позволяет также сделать выводы о возрастной, социальной, идейно-эстетической «структуре» восприятия Твена в России. Особое внимание уделяется вопросу об «американизме», воплощением которого в литературе и в жизни Твен становится для многих. Близость оценок, эмоций, примеров произведений, анекдотов и эпизодов из жизни доказывает существование устойчивого представления о Твене в России, но одновременно свидетельствует и об определенном сложившемся схематизме восприятия как творчества Твена, так американской литературы в целом.

Ключевые слова: Марк Твен, юмор, литература США, некролог, комическое, русская критика, русская периодика, 1910 г.

Информация об авторе: Дмитрий Дмитриевич Николаев, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>. E-mail: ddnikolaev@mail.ru.

Для цитирования: Николаев Д.Д. «России посчастливилось на Марка Твена» // Литература двух Америк. 2025. № 19. С. 8–35. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-8-35>

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-8-35>

<https://elibrary.ru/BNJBYP>

UDC 821.111(73).0+821.161.1.0

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dmitry NIKOLAEV

“RUSSIA WAS LUCKY WITH MARK TWAIN”

Abstract: The article analyzes the publications in Russian periodicals in 1910, which appeared in connection with Mark Twain’s death. Some of them are anonymous or signed with undisclosed pseudonyms, others are written by famous writers (A.T. Averchenko, N.E. Heinze, P.T. Gerzo-Vinogradsky, V.M. Doroshevich, A.A. Izmailov, A.I. Kuprin, P.A. Tversky, K.I. Chukovsky). The reaction to Twain’s death showed that he was the most famous American writer in Russia and emphasized his importance to the Russian audience. For the authors of the obituaries his death was a personal loss. The list of writers in which Twain was placed (Swift, Dickens, Gogol, Saltykov-Shchedrin, Chekhov) reflects the scale of his genius, as well as the fact that a humorist also can be recognized as a great writer. The analysis of periodicals also helps to draw conclusions about the age-related, social, ideological and aesthetic aspects of Twain’s reception in Russia. Special attention is paid to “americanism” which Twain embodies in literature and in life for a significant part of the readers. The similarity of critical evaluations, emotions, examples taken from Twain’s works, jokes and biographical details proves the existence of a definite Russian image of Twain, as well as certain clichés in reception of Twain’s work and American literature in general.

Keywords: Mark Twain, humor, American literature, obituary, comic, Russian literary criticism, Russian periodicals, 1910.

Information about the author: Dmitry D. Nikolaev, Doctor Hab. in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya st., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>. E-mail: ddnikolaev@mail.ru.

For citation: Nikolaev, Dmitry. “Russia Was Lucky with Mark Twain.” *Literature of the Americas*, no. 19 (2025): 8–35. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-8-35>

В 2025 г. исполнилось 190 лет со дня рождения и 115 лет со дня смерти Марка Твена. Памятные даты эти прошли в России почти незамеченными: некогда самый известный у нас американский писатель сейчас может не попасть и в первую десятку, если говорить о читательских предпочтениях. Его оттесняют не только великие прозаики XX в. — Фолкнер, Хемингуэй, Воннегут, Сэлинджер и др., но и авторы детективов, триллеров, научно-фантастических произведений — Гарднер, Стаут, Брэдли, Кинг и т. д. «Принц и нищий», «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна» постепенно уходят из хрестоматийного набора обязательного детского чтения, а «взрослые» произведения Твена мало издавались и на протяжении большей части XX столетия: в советское время основной частью аудитории он воспринимался уже как детский писатель.

Именно поэтому большой интерес представляет реакция в России в 1910 г. на смерть Твена. Во-первых, она показывает, что в начале XX в. Твен, действительно, был наиболее известным в России американским писателем, а возможно — и самым знаменитым американцем вообще. Во-вторых, по тому, какие и как периодические издания откликнулись на смерть Твена, мы можем судить о «структуре» восприятия его в России — возрастной, социальной, идейно-эстетической. Ну и в-третьих, она подчеркивает значимость Твена для русского читателя, осознание которой в полной мере пришло с известием о кончине.

Е.А. Стеценко в обстоятельном аналитическом обзоре «Марк Твен в русской дореволюционной периодической печати» [Стеценко 2017а; Стеценко 2017б] обращалась к публикациям 1910 г., справедливо отмечая, что «представление о восприятии Твена в России в начале века дают его некрологи, десятки которых появились в столичной и провинциальной прессе» [Стеценко 2017б: 183], и выделяла ряд важных аспектов, но не со всеми ее выводами можно согласиться. Кроме того, у Е.А. Стеценко рецепция рассматривается диахронически и конкретные суждения не увязываются с «эмоциональным» фоном. Сосредоточив же внимание на 1910 г., мы должны учитывать эмоциональную составляющую, столь важную для «реакции момента».

Когда статья озаглавлена цитатой, обычно вслед за этим ставится подзаголовок, но в данном случае уточнение сужало бы смысл вынесенного в название высказывания. Для подзаголовка не подходит

слово «творчество», поскольку о жизни писателя в статьях и заметках вспоминали не меньше, чем о его творчестве, — и знаменитые шутки Твена в некрологах цитировали чаще, чем его произведения. Нельзя говорить исключительно о критической рецепции, поскольку даже известные литературные критики писали в 1910 г. о Твене скорее как читатели, влюбленные — и это не преувеличение — в его книги. Да и выразить свое восхищение «королем юмора» и всю горечь переживаемой лично утраты хотели не только критики, но и такие яркие писатели, как Аркадий Аверченко, Влас Дорошевич, Александр Куприн... Неуместным стало бы и слово «оценка», потому что для подавляющего большинства значимость Твена в 1910 г. была безусловной — и не только литературная: он приходил к русскому читателю в детстве и сопровождал его затем всю жизнь. Об этом, в частности, писал в газете «Русское слово» Александр Измайлов, из статьи которого взята цитата в заглавии:

Мы успели полюбить его детьми, когда в наши руки попала чудесная повесть о «Принце и нищем», о маленьком оборвыше, подменившем дофина на престоле. [...] Несколько позднее, юношами, мы узнали приключения Томаса Сойера и его товарища Гекельберри. Хохотали над старыми тетками, которым никак не удавалось переделать шалун-на-племянника в благонаправного мальчика, и сотни учителей испытывали на своей шее проказы этих юношей. Когда детство кончилось, мы узнали настоящего Твена — тонкого юмориста, для которого все в мире раз навсегда повернулось смешной стороной, и из которого, по нашему грубому русскому выражению, даже горе «перло смехом»¹.

«России посчастливилось на Марка Твена» еще и потому, что во многом благодаря ему удалось изменить традиционно скептическое отношение к юмору, который привычно выводили за рамки «большой литературы», и это сказалось на развитии комического у нас в стране. Смерть «великого юмориста» заставила и многих критиков, и многих читателей осознать, насколько значимым в литературе и в жизни является юмор. А в том, что Марк Твен — прежде всего юморист, не было сомнений ни у кого из писавших о нем в 1910 г. Газета «Биржевые ведомости» сообщала 9 (22) апреля 1910 г.:

¹ А.И. [Измайлов А.А]. Человек, который смеялся // Русское слово. 1910. № 82. 10 апреля. С. 3.

Уже несколько дней самые тревожные сведения шли из Нью-Йорка о здоровье Марка Твена. Сейчас пришло известие, что маститый юморист скончался. Иссаяк богатейший родник великолепного юмора, своеобразно освещавшего все, на что он ни падал, создавшего шутку, ставшую мировым достоянием, даже по поводу трагического сообщения об его смерти. «Известие это несколько преувеличено». Теперь оно — горькая правда².

Сразу отметим, что ни в 1910 г., ни в данной статье нет противопоставления Твена-юмориста и Твена-сатирика, на котором делали акцент советские исследователи на протяжении нескольких десятилетий. «Американские реакционеры в литературоведении из всех сил стараются доказать, что Твена-сатирика не существовало, а был только беззлобный юморист, веселый насмешник», — писала М. Боброва в 1952 г. [Боброва 1952: 5]. И в критической рецепции, и в читательском сознании в России сатира в первые годы XX в. как выражение общественной позиции традиционно оценивалась неизмеримо выше юмора, и сатирик имел гораздо больше шансов на признание, чем юморист, занимающийся, с магистральной точки зрения, делом пустым и несерьезным, развлекаая и потешая досужую публику. Признание юмористического дарования Твена никоим образом не было связано с желанием принизить значение сатиры. Напротив, творчество Марка Твена помогло осознать, что юморист, как и сатирик, может быть «великим».

«Биржевка» сообщила о смерти Твена первой, еще 9 апреля (по старому стилю), поскольку у газеты был не только утренний, но и вечерний выпуск. И не просто сообщила, а успела подготовить сразу два материала (повторенных затем в утреннем выпуске 10 апреля). Во-первых, некролог, автором которого был все тот же Александр Измайлов, написавший в итоге в течение нескольких дней сразу несколько заметок памяти Твена. Во-вторых, статью Д. Горо (Д.М. Городецкого) «Марк Твен в жизни», которая начиналась с того, что «величайший юморист нашего времени в литературе [...] был величайшим юмористом и в жизни»³.

² А.Изм. [Измайлов А.А.] + Марк Твен // Биржевые ведомости. 1910. № 11656. 9 (22) апреля. Веч. вып. С. 2; № 11657. 10 (23) апреля. Утр. вып. С. 6.

³ Горо Д. Марк Твен в жизни // Биржевые ведомости. 1910. № 11656. 9 (22) апреля. Веч. вып. С. 2; № 11657. 10 (23) апреля. Утр. вып. С. 6.

Газета «Новое время» на следующий день почти повторяла начало статьи Измайлова:

Много лет назад телеграф оповестил о смерти Марк Твена. Тогда это известие оказалось ложью, и великий юморист, опровергая его, писал: «слухи о моей смерти сильно преувеличены». Сегодня, к сожалению, телеграф не ошибся. Марк Твен долго болел, со дня на день ждали трагического конца, и это краткое известие являлось лишь финалом долгих страданий. С Марком Твеном отходит в прошлое тот юмор, который в самые тяжелые минуты заставлял нас смеяться и забывать горе⁴.

В схожем ключе рассказывала 10 апреля читателям о смерти Марка Твена «Петербургская газета».

Это был блестящий и разнообразнейший по темам юморист, и Америка имела в нем при его жизни «короля всемирного юмора». [...]

Марк Твен умер, и на этот раз его смерть, увы, несомненный грустный факт.

Мы говорим это потому, что известия о его смерти уже несколько раз ранее появлялись в газетах, и даже по поводу одного из таких сообщений великий юморист напечатал следующее опровержение: «Известие о моей смерти несколько преувеличено — у меня был насморк».

Теперь, к сожалению, не преувеличено⁵.

В московском «Русском слове» 10 апреля появилось сразу две публикации памяти Твена. Упомянутая уже статья Измайлова предварялась некрологом, который руководивший газетой «король фельетонистов» Влас Дорошевич продиктовал по телефону из Петербурга, где он в то время находился, — чтобы не откладывать публикацию до следующего номера:

⁴ Новое время. 1910. № 12241. 10 (23) апреля. С. 4.

⁵ Н. Энге [Гейнце Н.] Кончина Марка Твена // Петербургская газета. 1910. № 98. 10 апреля. С. 2.

На этот раз известие о смерти Марка Твена, к сожалению, не преувеличено.

Вы знаете, конечно, этот эпизод.

Твен был в Вене. В Нью-Йорке распространилось известие о его смерти. Редакция *New-York-Herald* телеграфировала запрос в Вену, в гостиницу, где остановился Марк Твен. В ответ получилась телеграмма:

«Известие о моей смерти сильно преувеличено. Марк Твен».

На этот раз — увы! Хотя это и напечатано в газетах, но это правда.

— Был такой веселый человек, а кончил так грустно: умер, — как говорится в одном из твеновских рассказов. Старый, веселый Марк Твен умер⁶.

Многие другие газеты — и столичные, и провинциальные — также выделяли юмористический гений Твена. «Телеграф принес известие о смерти в Нью-Йорке величайшего современного юмориста писателя Клеменса, писавшего под псевдонимом Марка Твена»⁷, — информировал «Петербургский листок». «Умер семидесятипятилетним старцем знаменитый американский юморист, известный всему свету под выписанным выше псевдонимом, а в повседневной жизни, жизни, где смешное чередуется с трагическим, где люди занумерованы всякими ярлыками, носивший никому не интересное имя Самуэля Клеменса»⁸, — писал «Голос Москвы». «Свет потерял одного из самых дорогих людей: свет потерял писателя, умевшего торжествовать над злейшими врагами рода человеческого — унынием и скукой, — констатировал «Приазовский край». — А собственная жизнь С.А. Клеменса (такова настоящая фамилия Марка Твена) вовсе его не баловала. [...] И со всем этим, со всеми жизненными невзгодами Твен разделялся смехом»⁹.

Приводить примеры можно и дальше: откликов на смерть Твена в 1910 г. в российских периодических изданиях было огромное количество. В библиографическом указателе И.М. Левидовой только в разделе «некрологи» их приводится более 40 [Левидова 1974: 85–87],

⁶ Дорошевич В. Марк Твен // Русское слово. 1910. № 82. 10 апреля. С. 3.

⁷ Кончина Марка Твена // Петербургский листок. 1910. № 98. 10 (23) апреля. С. 4.

⁸ Нич. Марк Твен // Голос Москвы. 1910. № 82. 10 апреля. С. 2.

⁹ Марк Твен // Приазовский край. 1910. № 97. 13 апреля. С. 3.

а к представленному там перечню надо добавить еще множество неучтенных отзывов: процитированные выше некрологи в «Петербургской газете» и «Петербургском листке», публикации в журналах для детей и юношества, ряд заметок в провинциальных газетах, почему-то выпавшие публикации статей К.И. Чуковского в газете «Речь»¹⁰ и А.Т. Аверченко в журнале «Солнце России»¹¹ (последняя, возможно, — из-за отсутствия страниц в подшивке, хранящейся в РГБ), и т. д. Поэтому мы ограничимся выделением самого существенного и характерного, тем более что, как уже показано, авторы во многом повторяли друг друга — и это лишний раз подчеркивает почти полное единодушие в восприятии творчества Твена российскими читателями и критиками.

Схожие слова звучали в изданиях столичных и провинциальных, общественно-политических и специализированных, рассчитанных на аудиторию разного социального положения и разного возраста. О Твене очень высоко отзывались газеты совершенно разной идеологической направленности — и консервативное «Новое время», и либеральное «Русское слово», и кадетская «Речь». Случай это достаточно редкий, если учесть, что идеологические оппоненты не стремились выискивать в творчестве Твена каждый свое, идейно или эстетически близкое, а хвалили американского писателя примерно за одно и то же. Это доказывает «универсальность» творчества Твена и, с другой стороны, показывает, насколько у людей, считающихся противниками, бывает много общего.

В то же время не все в России являлись поклонниками Твена и в равной степени испытывали горечь утраты. Кому-то не был близок его «американизм», кто-то пренебрежительно относился к юмору, кем-то книги для детей считались второстепенной литературой. Поэтому при анализе отношения к творчеству Твена важно не только, кто и как отреагировал на его смерть, но и то, какие издания проигнорировали пришедшее из-за океана известие или ограничились кратким упоминанием. К примеру, журнал «Русская мысль», где направление литературно-критического отдела определяли в то время символисты, про Твена писать не стал, зато на смерть Жана Мореаса 20 марта по новому стилю отозвался в пятом, майском, номере статьей Валерия Брюсова.

¹⁰ Чуковский К. Марк Твен // Речь 1910. № 98 (1336). 10 (23) апреля. С. 3.

¹¹ Аверченко Арк. Марк Твен // Солнце России. № 12. 1910. Апрель. С. 4

Те, кто восхищался Твеном, тоже, конечно, не во всем сходились: по-разному относились и к «американизму», и к позднему творчеству, да и среди наиболее известных произведений выделяли разные и за разное. Уже в самом начале первой появившейся в России публикации памяти Твена А. Измайлов переходил к тому, что юмор «оскудевал в последние годы в чудесном старике, обратно пропорционально его славе, росту его читателя и тем колоссальным гонорарам, какими оценивались его строки»¹².

Утверждение критика даже если и было справедливо, то выглядело не слишком уместно в первых строчках статьи о только что скончавшемся писателе. И, вероятно, очевидная неуместность эта сыграла свою роль в том, насколько восторженно оценивали творчество Твена авторы многочисленных некрологов, появившихся в российских газетах на следующий день. Слова критика «Нового времени» звучали как прямая отповедь Измайлову:

Так проходили долгие годы, люди рождались, жили и умирали, а «веселые рассказы» Марка Твена сохранялись в памяти и не меркли под влиянием времени. Редчайший дар — юмор сохранял свою свежесть; рядом с ним гремели другие имена, поднимались на недостижимую высоту и забывались как ненужные и скучные вещи. Жизнь менялась, менялись взгляды, но радость и смех оставались неизменны. И в жизни, и на сцене, и в литературе юмор — дар богов. Оттого он так и редок¹³.

Впрочем, поспешил «исправиться» и сам Измайлов в статье, напечатанной в «Русском слове» на следующий день после первой. Она называлась «Человек, который смеялся». Здесь уже критик прежде всего отмечал, что «Твен не имел себе равных при жизни искусников остроумия» и что «как фабулист он иногда бывает неподражаем, и до последних годов его остроумный блеск проникнут веселостью». И хотя мнение о творчестве Твена последних лет Измайлов не изменил, но высказал его уже в самом конце: «Только последние рассказы выдают его писательскую усталость. Шутку о Шекспире, которой хватило бы на две страницы, он развел на целую книгу».

¹² А.Изм. [Измайлов А. А]. + Марк Твен. С. 6.

¹³ Новое время. 1910. № 12241. 10 (23) апреля. С. 4.

Большая часть этой статьи Измайлова посвящена размышлениям о природе смеха у Твена и его манере создания комического:

Он не пренебрегал принципами карикатуры, шаржа, смешных положений. У него есть много фигур и характеров, созданных, очевидно, по принципу доведения исключительно до абсурда. Как ни помнить его великолепную коллекцию всевозможных эхо или шкипера. Шкипер — это чудак, наливающий вино в стакан из неоткупоренной бутылки и удивляющийся, кто это выпил все вино. Все это невинный юмор. Но Твен умел быть и гораздо серьезнее, хотя дух сатирика был ему совершенно чужд. Он вовсе не умел злиться, раздражаться. Он был «свой»¹⁴.

Об особенностях твеновского смеха в тот же день писал в газете «Речь» Корней Чуковский:

Смех был его религией. Любить для него значило — смеяться, и тем, что он осмеял весь мир, он оправдал его. Он был в полной гармонии со своим миром, и отсюда его величайшее доверие к Богу, к смерти, к судьбе, — тоже такое американское, — и отсюда его смех, самый счастливый, какой только слыхивала вселенная¹⁵.

О юморе Твена в 1910 г. рассуждали и другие, в том числе не провозглашенный еще тогда «королем русского юмора» Аркадий Аверченко, но в данной статье мы в дальнейшем коснемся этой темы лишь в связи с «американизмом», а восприятие юмора Твена в России и влияние Твена на русскую юмористику рассмотрим в отдельной работе, не ограниченной рамками мемориальных публикаций.

На кончину американского писателя в России отреагировали в три «волны»: это определялось структурой периодической печати. Сперва появились некрологи в ежедневных газетах. За ними последовали публикации в еженедельных изданиях, и, наконец, последними выступили ежемесячники. Таким образом, о смерти Твена регулярно писали на протяжении нескольких месяцев — с апреля по июль: причем в тех толстых журналах, где дольше был и редакционный,

¹⁴ А.И. [Измайлов А.А]. Человек, который смеялся. С. 3.

¹⁵ Чуковский К. Марк Твен. С.3.

и издательский процесс подготовки номеров, материалы о Твене оказались готовы только ко второй половине года.

Еженедельники, несмотря на обычное их стремление к оперативности, в данном случае также в большинстве своем существенно отстали от газет, возвращая читателей к известию о смерти Твена даже во второй половине мая. Это объяснялось тем, что 18 апреля в 1910 г. праздновали Пасху, и у многих изданий пасхальные номера либо уже были распланированы, либо вообще не предполагали существенных отступлений от главной темы. А в предпасхальные номера статьи подготовить уже не успевали, хотя журнал «Театр и искусство» все же поместил очерк о Твене в воскресном номере 11 апреля¹⁶. По своей структуре, объему, да и содержанию он практически повторял газетные публикации тех дней — начинался с принесенного телеграфом «не преувеличенного слуха» о смерти Марка Твена и ушедшей из жизни «светлой, чистой ноты мягкого смеха», продолжался тем, что Твен был «близким, знакомым “другом детства” — всего мира», а завершался попыткой анализа твеновского юмора.

В пасхальном номере (№ 16), который вышел 17(30) апреля, фотографию «знаменитого американского юмориста» опубликовал «Огонек», сопроводив ее коротким некрологом. В дальнейшем же, когда новостной эффект был утерян, отставание компенсировали обстоятельностью. Так, 6 мая большую статью «Король смеха. Памяти Марка Твена», тоже с портретом, напечатал журнал «Природа и люди».

Да, отныне Марк Твен — классик, и имя его — одно из счастливейших в истории литературы: ибо лишь немногие авторы обладают даром возбуждать в читателе здоровый смех, делая нас бодрыми, жизнерадостными и снисходительными к людям¹⁷, —

утверждал автор.

Развернутый материал о Твене подготовила и «Нива», но появился он только 22 мая¹⁸. При этом 8 мая еженедельник написал о двух других писателях, скончавшихся в те же дни, что и Твен, — «патриархе малорусского театра» М.Л. Кропивницком и норвежском

¹⁶ Сильвио. Марк Твен // Театр и искусство. 1910. № 15. 11 апреля. С. 321–322.

¹⁷ Король смеха. Памяти Марка Твена // Природа и люди. 1910. № 27. 6 мая. С. 418–420.

¹⁸ Нива. 1910. № 21. 22 мая. С. 393–394.

драматурге Бьернстjerne Бьернсоне¹⁹. Первый умер 9 апреля, второй 12 апреля по старому стилю — и в ряде других изданий либо кого-то одного из них, либо обоих ставили в мемориальных публикациях рядом с Твеном²⁰.

Из сатирико-юмористических еженедельников масштаб утраты подчеркнул лишь «Сатирикон». В вышедшем 18 апреля «Пасхальном номере» (№ 16. С. 7) сатириконцы поместили траурную табличку:

Весь культурный мир постигло тяжелое, искреннее горе
УМЕР МАРК ТВЕН.

А в следующем номере, 24 апреля, редакция посвятила памяти Твена целую страницу с портретом и некрологом, в котором также повторялось многое уже сказанное, но в другой тональности и с другим пафосом:

Бедный старик Твен.

Правда, ему было уже 75 лет, правда, он достиг всего того, что только может подсказать самая изощренная фантазия, — и все-таки искренно и горько вздохнут все о кончине великого доброго Твена.

Твену как-то не к лицу смерть.

Странно, чтобы она стояла у такого неподходящего ей изголовья: изголовья самого веселого человека в мире.

Однажды, несколько лет тому назад, Твен уже перемигнулся со старой смертью, и она была, вероятно, очень шокирована такой комической характеристикой ее мощи и силы в устах веселого Твена: [...]

— Слухи о моей смерти сильно преувеличены, — шутил он семь лет тому назад.

Да и теперь слухи о смерти старика Твена преувеличены. Он еще долго проживет, очень долго²¹.

¹⁹ Нива. 1910. № 19. 8 мая. С. 362, 364.

²⁰ См., например: *Лознгрин* [П.Т. Герцо-Виноградский]. Зигзаги. Умер Кропивницкий; Марк Твен // Одесские новости. 1910. № 8087. 10 (23) апреля. С. 5; Марк Твен и Бьернстjerne Бьернсон // Весь мир. 1910. № 12. Май. С. 24–26; Солнце России. 1910. № 12. Апрель С. 4; и др.

²¹ Сатирикон. 1910. № 17. 24 апреля. С.2.

Редактор журнала Аркадий Аверченко опубликовал прежде еще и очерк о Твене за своей подписью — в одном из апрельских номеров литературно-художественного и юмористического еженедельника «Солнце России». Как и в «Сатириконе», Аверченко несколько раз называл Твена «стариком», и в этом не было ни стремления подчеркнуть преклонный возраст, ни тем более пренебрежительного отношения к писателю, который всегда был для великого русского юмориста образцом, хотя к суждениям современников об «американизме» юмора Аверченко [Николаев 2014] и надо относиться критически. Нельзя согласиться с утверждением ссылающейся на них Е.А. Стеценко, что «именно внешние юмористические приемы были подхвачены находившимися под явным влиянием Твена русскими юмористами — Аркадием Аверченко, Тэффи (Н.А. Лохвицкая-Бучинская) и многими другими, писавшими в “Стрекозе” и “Сатириконе”» [Стеценко 2017а: 138].

«Стариком» именовал его Измайлов, и Сергей Соломин писал о «старике Твене, имя которого во всех странах любят и дети, и взрослые»²². Далеко не о каждом можно так сказать, особенно в некрологе, — получится грубо и невпопад. Но в России в это время часто писали о другом «великом старике» — Льве Толстом, смерть которого спустя полгода стала такой же потерей для русских, как смерть Твена для американцев. И слова о Твене звучали органично и уважительно:

Прекрасный, светлый старик Твен умер!

Можно держать пари, что у всякого мало-мальски грамотного человека мы вызовем на лице печаль, самую искреннюю, идущую от души, — тремя коротенькими словами:

— Марк Твен умер.

Ах, все его любили, прекрасного, веселого старика, даже мы, русские. А уж это известно, что нет народа более нудного, печального, с отчаянной скорбью в истерзанных натурах и мучительными вопросами на устах, — чем мы, русские²³.

Из ежемесячников о Твене первыми написали «Вестник знания» и «Всеобщий ежемесячник» — в майских номерах. В «Вестнике знания» Л. Козловский в разделе «Из западной литературы» объединил

²² Соломин С. Марк Твен // Приднепровский край. 1910. № 3942. 16 апреля. С. 3.

²³ Аверченко Арк. Марк Твен. С. 4

«Две смерти (Бьернстjerne Бьернсон и Марк Твен)»²⁴, а в «Всеобщем ежемесечнике» в статье «Три утраты» к ним добавили еще и скончавшуюся 18 мая по новому стилю Элизу Ожешко²⁵.

«Баян» в июньском номере также поместил два некролога: сперва Бьернстjerne Бьернсона, а за ним Твена. И про «знаменитого скандинавского писателя-драматурга и политического деятеля» журнал рассказывал подробнее, чем про «знаменитого писателя-юмориста»²⁶. «Вестник иностранной литературы» раздел «Литература и печать» в июньском номере начинал с подробнейшего разбора драмы Эдгара По «Полициан» (*Politien*)²⁷; затем переходил к «умершей в минувшем месяце талантливой писательнице» — Элизе Ожешко²⁸ и лишь под конец писал об «еще одной крупной потере в литературном мире: умер Самюэль Лангхорн Клеменс или иначе Марк Твен, чтение остроумных произведений которого приводило в веселое расположение весь мир»²⁹. В «Историческом вестнике» и вовсе писали сразу о смерти Колонна, Твена, Бьернстjerne Бьернсона, Ожешко, Коха, Полины Виардо, Симона, Вольфа и Дзамбони. И основное внимание в публикации, которая появилась только в июле — в разделе «Новости и мелочи», — уделялось Бьернстjerne Бьернсону³⁰.

В целом реакция ежемесечников является показательной с точки зрения отношения к творчеству Твена. Издания, стоявшие по своей аудитории ближе к еженедельникам, уделяли Твену больше внимания, чем классические «толстые» журналы, для которых он оставался скорее представителем массово-развлекательной, чем «серьезной» литературы. Особо следует выделить «Вестник Европы», который, как и «Исторический вестник», написал о Твене только в июле. Здесь его смерти была посвящена часть авторской рубрики П.А. Тверского «Письмо из Америки», что позволило с самого начала вынести на первый план именно принадлежность Твена к американской литературе:

²⁴ Козловский Л. Две смерти (Бьернстjerne Бьернсон и Марк Твен) // Вестник знания. 1910. № 5. Май. С. 251–256.

²⁵ Три утраты: М. Твен, Бьернстjerne Бьернсон, Э. Ожешко // Всеобщий ежемесечник. 1910. № 5. С. 150–155.

²⁶ Баян. 1910. Июнь. С. 109, 110.

²⁷ Вестник иностранной литературы. 1910. Июнь. С. 127–134.

²⁸ Там же. 134–136.

²⁹ Там же. С. 136–137.

³⁰ Исторический вестник. 1910. Июль. С. 318–331.

21 апреля скончался от болезни сердца, в своем имении в штате Коннектикут, один из очень немногих американских беллетристов с всемирной известностью.

П.А. Тверской утверждал, что в Америке «не было и нет писателя, который пользовался бы такой популярностью, такой постоянной и сильной народной любовью, как Твен»³¹.

Живший в США с конца 1870-х гг. и печатавшийся под псевдонимом «П.А. Тверской» П.А. Дементьев рассказывал о Твене и о его смерти от имени американцев, и эта включенность в американский литературный и общественно-политический контекст отличала публикацию «Вестника Европы» от других. Цитируя президента Тафта, которому «принадлежит честь и наиболее короткой, и наиболее верной характеристики покойного: Марк Твен во всю свою жизнь не написал и не сказал ничего, чего отец не мог бы передать целиком своей дочери» (эти слова, кстати, приводил и журнал «Природа и люди»), Тверской отмечал, что смерть писателя «признана большим государственным несчастьем; все наши нотабли, литературные и политические, сочли необходимым высказаться публично по ее поводу»³².

Если бы «Вестник Европы» поместил на своих страницах взгляд на Твена из России, то вне зависимости от авторства он бы существенно отличался и по тону, и по характеру, и по эмоциям. Оценки были бы сдержаннее, а фигура Твена предстала бы не столь значительной. Но американская точка зрения на «своего» писателя — а Тверской отражал именно ее — позволяла не сравнивать его с классиками европейской или русской литературы, а считать величиной безусловной, одновременно и национальным классиком, и национальным кумиром, выразителем американского духа и олицетворением американской мечты.

Тверской писал, что все книги Твена имели и продолжают иметь в Америке «баснословное распространение» — многие проданы тиражами более полумиллиона экземпляров, что трудно сказать, какая из них лучше, поскольку все очень популярны, что Твен никогда не повторялся, что каждое его произведение «блещет своеобразной прелестью», что с годами он относился к работе со все большей и большей тщательностью, что он завещал американской

³¹ *Тверской П.А.* Смерть Марка Твена. Письмо из Америки // *Вестник Европы*. 1910. № 7. С. 323.

³² Там же. С. 323–324.

беллетристике множество определенных, тонко и поразительно верно очерченных типов, что он неподражаем и по языку, и по стилю, что рассказ его — «блестящая импровизация, свободная, не приправленная ни тенденцией, ни напряжением воображения»: «чувствуется, что поет соловей, горло которого способно на всевозможные вариации»³³. По мнению Тверского, во всей американской литературе Твен «по художественности писательской работы» имел только одного достойного соперника — Эдгара По.

Публикации 1910 г. в России о Твене — один из самых ярких примеров того, как особенности не просто отдельных литературных произведений, а всего творчества зарубежного писателя безоговорочно увязываются со страной, где он вырос и жил. «Это был настоящий “янки”»³⁴, — подчеркивал Влас Дорошевич.

Марк Твен и в своей частной жизни, и в своем творчестве — типичный американец. Это — янки, с неутомимой энергией переходящий от одного дела к другому, никогда не унывающий, после каждой неудачи всегда готовый к новому действию³⁵, —

утверждал Л. Козловский. И некролог в «Вестнике Европы» (а по сути это был именно некролог) выделялся и на фоне тех многочисленных российских публикаций предыдущих месяцев, в которых акцент также делался на американизме Твена.

Утверждение, что такой писатель, как Твен, мог появиться только в Америке, иногда вообще не считали нужным обосновывать, иногда приводили аргументы, но общая логика показывает вовсе не то, что Твена «выводят» из знания американской жизни. Напротив, о жизни в Америке судят во многом на основе произведений Марка Твена. И в результате получается, что Твен становится воплощением американизма не только в литературе, но и в жизни.

«Голос Москвы» утверждал:

Если уже наработались из смеси разных народов и культур — новый американский народ и новая американская культура, то, конечно, типичнейшим представителем «американизма» является

³³ Там же. С. 324–325.

³⁴ Дорошевич В. Марк Твен. С. 3.

³⁵ Козловский Л. Две смерти. С. 253–254.

Марк Твен. Он литератор чистой воды, человек, по обычным и верным представлениям старых рас, далекий от практической жизни, делецкой суетни создателей земных богатств.

А в его книгах — весь катехизис, все основы мировоззрений его сородичей, знаменитостей другого типа, всех этих Вандербильдов, Рокфеллеров, Морганов и иных.

Твен писал книги, он «делал деньги» своей литературой, как другие его соотечественники «делают деньги» на нефти, железных дорогах, медных рудниках.

В «Голосе Москвы» вообще большая часть некролога посвящена американизму Твена, и юмор его, «специально юмор торжествующего и удачливого янки», расценивается как «плод всей философии американизма»³⁶.

Американец с головы до ног. Этот человек не то, чтобы «знал Америку», не то, чтобы «изучал Америку», он впитал Америку в себя, и жизнь его была «самая американская», и творчество его было «самое американское» изо всех, —

настаивает К. Чуковский.

Марк Твен — первое, полнейшее порождение американской культуры, совершеннейший ее выразитель. И читая его книги, видишь: какая эта низшая культура, — и какие огромные у нее возможности³⁷.

Интересно, что в очерках о юмористе сразу несколько критиков выделяли как характерные американские черты, отразившиеся и в творчестве Твена, культ силы и жестокость.

Умер здоровый талант. Такие таланты рождаются в стране, где упорная борьба за существование создала преклонение перед здоровым духом и здоровым телом и несколько жестокое, насмешливо-презрительное отношение к людям слабым, неприспособленным к жизни. Такова Америка, таково ее мировоззрение. В своем парадоксальном развитии это мировоззрение создало Конан Дойля с его Шерлоком

³⁶ Нич. Марк Твен. С. 2.

³⁷ Чуковский К. Марк Твен. С. 3.

Холмсом, литературу обожествления физической силы и смелости. Но одновременно с этим американское отношение к жизни создало и большие литературные ценности, каковы рассказы Брет-Гарта и произведения Твена³⁸, —

писал харьковский «Южный край».

То, что автор заметки относит, если следовать логике текста, Конан Дойля к американской литературе, вызывает, безусловно, сомнения в его квалификации (подпись «Ю.В» исследователями издания не раскрыта [Харьков 2018]). Но другое утверждение заслуживает внимания:

Глубокое различие между американской литературой — прославление силы и насмешки над слабостью — и русской литературой жалости к слабым — объясняет то обстоятельство, что в России наибольшей популярностью пользуются не юмористические рассказы Твена, а его «Принц и нищий», единственное произведение, в котором проскальзывает элемент жалости.

«Принца и нищего» в России, действительно, знали намного лучше, чем твеновские юмористические рассказы, и одним из подтверждений этого становятся публикации памяти писателя. Несмотря на то что характеризовали Твена прежде всего как юмориста, собственно юмористические произведения упоминались в некрологах редко. А чаще всего назывались «Принц и нищий», «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна», причем последние два — в разных вариантах заглавий и имен героев. Последнее показывает, что писавшие в 1910 г. о Твене читали его произведения в разные годы, в разных изданиях и разных переводах. Выделяют в этих произведениях, в том случае если вообще есть конкретизация, тоже чаще всего разное.

Родившийся в 1852 г. Николай Гейнце пишет в «Петербургской газете», что в повести «Принц и нищий» Твен проявил «самую идеальную сторону своего поэтического творчества»³⁹. Александр Измайлов, который более чем на 20 лет младше, отмечает, что в детстве он и другие маленькие читатели не задумывались над «философской

³⁸ Южный край. 1910. № 9960. 10 (23) апреля. С. 3.

³⁹ Н. Энге [Гейнце Н.] Кончина Марка Твена. С. 2.

идеей этой повести, гласящей, что нищий и принц, вельможа и босяк, в сущности, одно и то же»⁴⁰.

В «Ниве» тоже вспоминали, как менялось восприятие книги, с которой обыкновенно начиналось знакомство с Твеном в России. Сперва этот «“детский” роман, эта “книга для детей” захватывала внимание маленького читателя необыкновенными приключениями», а затем, когда полузабытая уже детская книжка попадалась на глаза взрослым,

к нашему удивлению, мы снова пресерьезно зачитывались ею и удивлялись не только богатству фантазии Марка Твена, но и глубокой идейности его произведения, и в то же время глубочайшей сатире на человечество, преклоняющегося пред внешними знаками и атрибутами власти и не умеющего различить под королевской порфирой нищего и под лохмотьями — настоящего принца... И притом какое знание исторического быта, какие яркие картины английской жизни старого времени!⁴¹

«Новое время», напротив, выделяло не знание истории, а умение писателя создавать художественный мир, который становится для читателя более реальным, чем подлинные события и настоящий антураж:

«Принц и нищий», — что бы ни писали историки, но мы до сих пор верим, что Эдуард VI вступил на престол так, как описывает это Марк Твен. Какая прелестная картинка английских нравов того времени описана в романе. Конечно, это было так, конечно, принц Эдуард странствовал по дебрям города Лондона в платье нищего, а нищий в короне и мантии сидел на престоле Тюдоров. Иначе не могло быть, и летописи глубоко ошибаются, когда утверждают противное⁴².

«Приазовский край» утверждал, что «Принц и нищий» — одно из самых отделанных в литературном отношении произведений Твена⁴³. А вот критик «Голоса Москвы» «Принца и нищего» не одобрял ни с точки зрения темы, ни с точки зрения пафоса:

⁴⁰ А.И. [Измайлов А.А]. Человек, который смеялся. С. 3.

⁴¹ Нива. 1910. № 21. 22 мая. С. 393.

⁴² Новое время. 1910. № 12241. 10 (23) апреля. С. 4.

⁴³ Приазовский край. 1910. № 97. 13 апреля. С. 3.

Когда Твен брался за темы старых европейских юмористов (например, «Принц и нищий»), темы, обвеянные гуманизмом, он фатально становился ниже себя⁴⁴.

Из других произведений Твена в статьях его памяти называются «Янки при дворе короля Артура», «Простофиля Вильсон» (*Pudd'nhead Wilson*), сборник «Американские рассказы», «Роман эскимоски», «Не-что о горничных», «Мои часы», «Повесть о добром маленьком мальчике», «Банковый билет в миллион фунтов стерлингов», «Знаменитая скачущая лягушка из Калаверса» (“The Celebrated Jumping Frog of Calaveras County”), «Жизнь на Миссисипи», «Простак за границей» (“Innocents abroad”), «Микель-Анджело», «Посещение интервьюера»... Каждый из писавших о Твене выделяет, как правило, всего несколько произведений, но если объединить их, то список получается длинный и разносторонний, показывающий, насколько хорошо знали в России творчество Твена и насколько каждый мог найти у него что-то себе по душе. Ну а самый большой перечень названий, причем на английском языке, приводит в «Вестнике Европы» Тверской⁴⁵.

В сравнении с некрологом Тверского даже небольшие заметки и статьи отражают огромную разницу в восприятии и Америки, и американской литературы, и Твена — как писателя и как человека.

Тверской завершает свое письмо о Твене тем, что «как ни неуязвимы его писательские лавры, его миротворческая слава едва ли уступает их блеску; в Америке они связаны неразрывно — и сохраняются так в народной памяти»⁴⁶. Ничего подобного ни в одном другом некрологе нет: Твен предстает обычно скорее как одиночка, индивидуалист, в отрыве от американского «народа», а заодно и от американского читателя. Тверской не забывает упомянуть, что «Приключения Тома Сойера» принесли Твену не только славу, но и богатство, однако деньги здесь вторичны: это лишь следствие того, что книги Твена покупали сотни тысяч американцев. А авторы в России выделяют его умение зарабатывать литературой, и один за другим рассказывают, как писатель потерял все свое состояние при банкротстве банка и сумел затем нажить литературным трудом еще больше.

⁴⁴ Нич. Марк Твен. С. 2.

⁴⁵ Тверской П.А. Смерть Марка Твена. С. 323–325.

⁴⁶ Там же. С. 325.

Тверской отмечает, что уже с выходом «Приключений Гекльберри Финна» прочно установилось положение Твена «как величайшего из современных ему беллетристов»⁴⁷. В России Твена вообще практически не сравнивают с другими современными писателями. Что касается американцев, то есть лишь несколько упоминаний других имен, а самым обстоятельным оказывается перечисление в «Ниве»:

Это был один из великих беллетристов Нового света. Брет Гарт, Эдгар По, Лонгфелло, Марк Твен — эти американские «классики» — получили широкую известность не только у себя дома, но и в Старом свете и высоко подняли литературу своей родной страны, за которой издавна установилась репутация страны чисто деловой и неспособной к художественному творчеству⁴⁸.

Впрочем, национальное может и не противопоставляться универсальному. «Приазовский край» убежден, что «основной тон его повсюду чисто американский — радость каждому проявлению бодрости, ума, находчивости и силы и беспощадная насмешка», «чисто американским является и его юмор», но это не мешает в заключение признать:

Вообще же Твен принадлежит к тому немногочисленному роду писателей, которые, являясь национальными до мозга своих костей, в то же время оказывались любимцами у всех народов. Его произведения переводились на все европейские языки, и по обеим сторонам Атлантического океана он был в семье писателей одинаково у себя дома⁴⁹.

Из англоязычных писателей-современников Твена в России, естественно, сравнивают с Джеромом К. Джеромом. Причем оценки звучат противоположные. «Голос Москвы» считает, что в России гораздо больше любят Джером-Джерома: «он ближе нам и, если хотите, роднее»⁵⁰. А Измайлов в «Биржевых ведомостях» утверждает, что Твен был «головой выше всех Джером-Джеромов с братией»⁵¹, а в «Русском

⁴⁷ Там же. С. 324.

⁴⁸ Нива. 1910. № 21. 22 мая. С. 393.

⁴⁹ Приазовский край. 1910. № 97. 13 апреля. С. 3.

⁵⁰ Нич. Марк Твен. С. 2.

⁵¹ А.Изм. [Измайлов А.А.]. + Марк Твен. С. 6.

слове» — что Твен «не имел себе равных при жизни искусников остроумия, и Джером-Джерому в этом смысле до него далеко»⁵².

Из других европейцев чаще всего называется Жюль Верн — как столь же любимый и равный по популярности. Причем если харьковский «Южный край» отмечает, что Твен «по популярности соперничает» с Верном как автор детских рассказов⁵³, то столичные издания указывают, что Твен, как и Верн, читаются в любом возрасте:

Марк Твен был так популярен у нас. Из литературных имен последнего времени один Жюль Верн мог идти нога в ногу с Марком Твеном. Их читали в детстве, перечитывали в юности и затем уже, гораздо позже, когда жизнь кончалась, в них находили минуту забвения и радости⁵⁴.

Твен доступен всем и каждому: его, как и Жюля Верна, могут с одинаковым увлечением читать и дети и взрослые»⁵⁵.

Сопоставление с Верном встречается и на страницах изданий для детей, которые также почтили память скончавшегося писателя. Количество, объем и содержательность помещенных там статей позволяет проанализировать их отдельно, с учетом возрастной специфики, но ключевой вывод мы можем привести: они подтверждают тезис «одинаковости» Твена для детей и взрослых.

Что касается русских писателей — Гоголя, Глеба Успенского, Чехова, Салтыкова-Щедрина, то их имена возникают при сравнении русского отношения к юмору с американским, а это противопоставление является одним из ключевых в характеристике Твена именно как американского писателя. Истоки разницы между веселым смехом Твена и русскими «смехом сквозь слезы» и злой сатирой связывают с различиями между странами — Америкой и Россией.

Твен был из первоклассных юмористов. Славянская скорбь Гоголя была ему чужда. Слишком редко слеза Глеба Успенского или Чехова слышалась между строк его смешных повестей. Он был сыном дру-гой, более счастливой страны, и в его жилах не текла наследственная,

⁵² А.И. [Измайлов А.А]. Человек, который смеялся. С. 3.

⁵³ Южный край. 1910. № 9960. 10 (23) апреля. С. 3.

⁵⁴ Новое время. 1910. № 12241. 10 (23) апреля. С. 4.

⁵⁵ Природа и люди. 1910. № 27. 6 мая. С. 418–420.

отравленная тоской кровь. Его юмор большею частью светел и безоблачен. Только иногда становилось грустно над его книгой⁵⁶, —

пишет Измайлов.

Правда, А.И. Куприн в очерке «Умер смех (Марк Твен)», опубликованном в газете «Одесские новости»⁵⁷ и затем перепечатанном еще рядом провинциальных изданий, напротив, объединяет Твена, Гоголя и Диккенса, возводя их светлый веселый смех к античности:

Мы — или делаем кислую гримасу, которая должна сойти за усмешку, или катаемся от щекотки в припадках истерического хохота, или судорожно лаем на жизнь, отплевываясь желчью. Но тот светлый смех, за который Достоевский назвал Диккенса «самым христианским из писателей» и который так пленял Пушкина в ранних гоголевских повестях, — этот смех почти на наших глазах растаял и испарился. Он начался громоподобным веселым смехом гомеровских богов, смехом, заставлявшим колебаться горы, и окончился вчера, в тот момент, когда на лице Марка Твена легла вечная улыбка мудрости.

Диккенс вообще упоминается в 1910 г. чаще всего и всегда как писатель, близкий Твену. Задает тенденцию вновь Измайлов, который еще 9 апреля отметил, что

что-то диккенсовское жило в Твене, в его мягком благодушии, в любви к людям, над которыми он так любил смеяться, в отсутствии той злости и того презрения к ничтожному в человеке, какие налагали поперечную морщину на лоб нашего Салтыкова или гениального Свифта,⁵⁸ —

а затем и в других статьях возвращался к Диккенсу. Но с ним согласны и другие. «Один Диккенс обладал еще этим драгоценнейшим даром — читая Диккенса, успокаиваешься и делаешься снисходительнее к человеческим слабостям»⁵⁹, — признает «Новое время». «Марка Твена справедливо сравнивают с Диккенсом, — только у Диккенса можно найти страницы, сверкающие таким же юмором, как у М. Твена»⁶⁰, — пишет «Нива».

⁵⁶ А.Изм. [Измайлов А. А]. + Марк Твен. С. 6.

⁵⁷ Куприн А. Умер смех // Одесские новости. 1910. № 8087. 10 апреля. С. 3.

⁵⁸ А.Изм. [Измайлов А. А]. + Марк Твен. С. 6.

⁵⁹ Новое время. 1910. № 12241. 10(23) апреля. С. 4.

⁶⁰ Нива. 1910. № 21. 22 мая. С. 393.

Этот ряд — Свифт, Диккенс, Гоголь, Салтыков-Щедрин, Чехов — важен с точки зрения признания критиками в России масштаба творческого наследия Твена: его сравнивают с ключевыми фигурами в русской и мировой литературе, если говорить о комическом. При чем вновь следует подчеркнуть, что в один ряд их ставят в изданиях разных направлений и ориентированных на разную аудиторию.

Конечно, иногда схожесть откликов является следствием прямых заимствований («Баян», к примеру, фрагментами дословно повторяет Измайлова⁶¹), но в газетах большинство некрологов появилось в один день, 10 апреля, и их авторы — за исключением находившихся в Петербурге — не могли прочесть и опубликованный накануне в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» очерк Измайлова. Поэтому близость оценок, эмоций, примеров произведений, анекдотов и эпизодов из жизни доказывает существование устойчивого представления о Твене в России и одновременно может свидетельствовать об определенном сложившемся схематизме восприятия как творчества Твена, так и его жизни. Этот схематизм нужно учитывать при анализе суждений об особенностях американской литературы в целом и американского юмора, в частности.

Что касается биографии Твена, то здесь чаще всего вспоминали о череде перепробованных будущим писателем профессий, о том, как он дебютировал, как он потерял все свои деньги, о поездках за границу. Многие писали о трагической гибели его дочери и о том, что другая дочь вышла замуж за русского пианиста Габриловича. Но в печати можно найти и неожиданные эпизоды биографии. «Вятская речь», например, отмечала, что «покойный питал глубокое влечение к России и во время самарского голода, в 1891 г., был деятельным агитатором в пользу голодных русских крестьян»⁶². Интересно, что с точки зрения отбора материала небольшие газетные заметки, авторы которых считали нужным обратиться и к биографии, от публикаций в еженедельниках и в «толстых» журналах отличались незначительно: разница была скорее в степени подробности.

Если говорить о шутках Твена, то охотнее всего в 1910 г. цитировали — с некоторыми вариациями — знаменитую фразу «Слухи о моей смерти несколько преувеличены». Кроме уже приведенных, можно назвать еще более десятка публикаций, авторы которых вспо-

⁶¹ Баян. 1910. Июнь. С. 110.

⁶² Вятская речь 1910. № 81. 13 апреля. С. 2.

минали этот эпизод из жизни Твена. А вслед за некрологами по газетам прошла череда повторяющих друг друга публикаций «анекдотов» о Марке Твене. Аркадий Аверченко даже написал по этому поводу миниатюру «Анекдоты из жизни великих людей», впервые опубликованную в газете «Одесские новости»⁶³, а затем с посвящением памяти Марка Твена вошедшую в сборник «Рассказы (юмористические). Книга вторая» [Николаев 2021: 902–905], в которой писал:

Я слишком люблю Твена и чту его память, чтобы оставить покойника с такими вялыми скучными анекдотами.

Я решил придумать другие анекдоты для веселого, остроумного Твена. Я твердо верю, что он заслуживает большего⁶⁴.

Наряду с многочисленными статьями памяти Твена в 1910 г. стали появляться и новые издания его произведений и даже «по мотивам» его произведений. Так, журнал с картинками «Читальня народной школы» сразу же напечатал «Похождения американского мальчика Тома Соуэра. (По Марку Твену)» Е.А. Сысоевой (1910. Вып. IV–V. Апрель–май. С. 1–168). О намерении выпустить новые собрания сочинений Твена объявили «Сатирикон» (уже 8 мая⁶⁵) и издательство П.П. Сойкина, предлагавшее полное художественно-иллюстрированное собрание сочинений Твена в 28 книгах под редакцией И.И. Ясинского в качестве премии подписчикам журнала «Природа и люди» на 1911 г.

«Не читайте о Марке Твене. Читайте Марка Твена»⁶⁶, — призывал 10 апреля в «Русском слове» Влас Дорошевич. Но одно не исключало, а дополняло другое. «Новое время» 10 апреля поместило некролог, а 15 и 18 апреля — объявления, в которых рекламировались книги Твена. В сойкинском собрании был напечатан критико-биографический очерк И.И. Ясинского, а в «сатириконском» издании М.Г. Корнфельда в качестве предисловия помещен очерк Аверченко, появившийся ранее в журнале «Солнце России».

Соединение простого здравого смысла с веселым характером, наблюдательностью и любовью к жизни — дало нам Твена, короля юмора,

⁶³ Аверченко А. Анекдоты из жизни великих людей // Одесские новости. 1910. № 8098. 4 апреля (7 мая). С. 3.

⁶⁴ Аверченко А. Рассказы (юмористические): в 2 т. / сост., науч. подгот. текстов, ст., примеч. Д.Д. Николаева. М.: Ладомир, Наука, 2021. Т. 1. С. 274–280.

⁶⁵ Сатирикон. 1910. № 19. 8 мая. С. 8.

⁶⁶ Дорошевич В. Марк Твен. С. 3.

коронованного своей прекрасной короной тогда, когда большинства из нас и на свете не было! —

писал Аверченко. —

Твен носил с достоинством свой королевский титул и при свиданиях со своим коллегой, королем Эдуардом, держал себя, как и подобает такой особе: король в разговоре с Твеном дружески похлопал Твена по плечу; Твен не менее дружелюбно и по-приятельски похлопал по плечу короля. [...] Твен не мог быть шутлом при королевском дворе, потому что сам не прочь был обрядить короля в шутовской костюм⁶⁷.

В диссертации А.В. Касьяна «Марк Твен в России (1872–1966)» выделяются четыре этапа восприятия Твена в России, в чем с ним соглашается и Е.А. Стеценко, и заключительный из этапов, 1910–1916 гг., оценивается как своего рода регресс:

1 — до 1880 г., когда преобладала точка зрения демократической критики, относящейся к Твену, главным образом, как к сатирику; 2 — 1880–1890-е гг., время реакции, когда Твен трактовался прессой как «чистый юморист»; 3 — конец 1890-х гг., когда появились серьезные статьи о Твене и начало формироваться мнение о нем, как о крупном писателе; 4 — 1910–1916 гг., когда в условиях жесткой цензуры снова возродилась легенда о Твене — «беззломном шутнике» [Касьян 1967; Стеценко 2017б: 186].

Но анализ публикаций 1910 г. показывает, что четвертый этап является своего рода синтезом второго и третьего.

Речь идет вовсе не о «возрождении легенды», а о признании того, что определения «чистый юморист» и «крупный писатель» не противоречат друг другу.

Покойный М. Твен обладал драгоценным талантом — талантом юмориста. Он утешал человечество, заставляя читателей забывать горе за чтением живой и умной книги, в которой всегда было так много веселья, остроумия, знания жизни и так много сострадания и скрытой любви к людям⁶⁸, —

⁶⁷ Аверченко Арк. Марк Твен. С. 4.

⁶⁸ Нива. 1910. № 21. 22 мая. С. 393.

отмечала «Нива». «Обличать ему в этом мире было нечего, — для этого он был слишком свободен и слишком силен, и если его смех кажется нам зубоскальством, что ж? — в этом виноваты мы, а не он»⁶⁹, — признавал К. Чуковский. «Другого “короля юмора” пока что нет ни в иностранной, ни в русской литературе», — писала «Петербургская газета», называя Твена «гениальным писателем»⁷⁰. В 1910 г. Твена в России признают великим — это оказывает огромное влияние и на развитие русской юмористики. И его гениальность — не величие человека, возвышающегося на людях:

Свет потерял одного из самых дорогих людей: свет потерял писателя, умевшего торжествовать над злейшими врагами рода человеческого — унынием и скукой⁷¹.

«России посчастливилось на Марка Твена», как отмечал Александр Измайлов, а потому и потерю его в России переживали столь глубоко: «Со смертью Марка Твена мы, русские, потеряли больше, чем кто бы то ни было»⁷².

ЛИТЕРАТУРА

Боброва 1952 — *Боброва М.* Марк Твен: Критико-библиографический очерк. М.: ГИХЛ, 1952.

Касьян 1967 — *Касьян А.К.* Марк Твен в России (1872–1966): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1967.

Левидова 1974 — *Левидова И.М.* Марк Твен: Библиографический указатель рус. пер. и критич. литературы на рус. яз. 1867–1972. Москва: Книга, 1974.

Николаев 2014 — *Николаев Д.Д.* Творчество А.Т. Аверченко в отзывах современников / вступ. ст., подгот. текстов и примеч. // Комическое в русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 368–417.

Николаев 2021 — *Николаев Д.Д.* Примечания // Аверченко А. Рассказы (юмористические): в 2 т. / подгот. Д.Д. Николаев. М.: Ладомир, Наука, 2021. Т. 2 (Литературные памятники). С. 816–1090.

⁶⁹ Чуковский К. Марк Твен. С. 3.

⁷⁰ Н. Энге [Гейнце Н.] Кончина Марка Твена. С. 2.

⁷¹ Приазовский край. 1910. № 97. 13 апреля. С.3.

⁷² Лесовой Вадим. Любовь и юмор. Памяти Самуэля Клеменса – Марка Твена. 1835–1910 г. // Двинский листок. 1910. №1058. 13 апреля. С. 3; То же // Вятская речь. 1910. № 83. 15 апреля. С. 2.

Стеценко 2017a — Стеценко Е.А. Марк Твен в русской дореволюционной периодической печати. Часть первая // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2, № 2. С. 120–143.

Стеценко 2017б — Стеценко Е.А. Марк Твен в русской дореволюционной периодической печати. Часть вторая // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2, № 3. С. 166–189.

Харьков 2018 — Харьков и губерния на страницах газеты «Южный край» (1880–1918) / сост. Н.И. Полянская и др. Харьков: Харьковская государственная научная библиотека им. В.Г. Короленко, 2018. Вып. 9: 1909–1910.

REFERENCES

Bobrova 1952 — Bobrova, Maria. *Mark Tven: Kritiko-bibliograficheskii ocherk* [Mark Twain: A Critical and Bibliographical Essay]. Moscow: GIKhL Publ., 1952. (In Russ.)

Kas'ian 1967 — Kas'ian, Aleksei K. “Mark Tven v Rossii (1872–1966)” [“Mark Twain in Russia (1872–1966)”], PhD Thesis Abstract. Leningrad, 1967. (In Russ.)

Khar'kov 2018 — Khar'kov i guberniia na stranitsakh gazety “Iuzhnyi krai” (1880–1918) [Kharkiv and the Province in the “Southern Region” Newspaper (1880–1918)], iss. 9: 1909–1910, compiled by N.I. Polianskaia et al. Khar'kov: Har'kovskaia gosudarstvennaia nauchnaia biblioteka im. V.G. Korolenko Publ., 2018. (In Russ.)

Levidova 1974 — Levidova, Inna M. *Mark Tven: Bibliograficheskii ukazatel' russkikh perevodov i kriticheskoi literatury na russkom iazyke 1867–1972* [Mark Twain: Bibliography of Russian Translations and Critical Literature in Russian. 1867–1972]. Moscow: Kniga Publ., 1974. (In Russ.)

Nikolaev 2014 — Nikolaev, Dmitry D. “Tvorchestvo A.T. Averchenko v otzyvakh sovremennikov” [“Works of A.T. Averchenko in the Reviews of Contemporaries”], the Introduction, Text Edition and Footnotes. In *Komicheskoe v russkoi literature XX veka* [The Comic in Russian Literature of the 20th Century], 368–417. Moscow: IWL RAS Publ., 2014. (In Russ.)

Nikolaev 2021 — Nikolaev, Dmitry D. Primechaniia [Footnotes]. In Averchenko A. *Rasskazy (iumoristicheskie)* [Stories (Humorous)], vol. 2, edited by D.D. Nikolaev, 816–1090. Moscow: Lodomir, Nauka Publ., 2021. (In Russ.)

Stetsenko 2017a — Stetsenko, Ekaterina A. “Mark Tven v russkoi dorevoliutsionnoi periodicheskoi pechati. Chast' pervaiia” [“Mark Twain in the Russian Pre-Revolutionary Periodical Press. Part One”]. *Studia Litterarum* 2, no. 2 (2017): 120–143. (In Russ.)

Stetsenko 2017b — Stetsenko, Ekaterina A. “Mark Tven v russkoi dorevoliutsionnoi periodicheskoi pechati. Chast' vtoraiia” [“Mark Twain in the Russian Pre-Revolutionary Periodical Press. Part Two”]. *Studia Litterarum* 2, no. 3 (2017): 166–189. (In Russ.)

© 2025, Д.Д. Николаев

Дата поступления в редакцию: 15.09.2025

Дата одобрения рецензентами: 27.09.2025

Дата публикации: 25.12.2025

© 2025, Dmitry D. Nikolaev

Received: 15 Sept. 2025

Approved after reviewing: 27 Sept. 2025

Date of publication: 25 Dec. 2025